

будущее future

UNIVERSITY OF BERGEN

ТЕХНОЛОГИЯ
Technology

VIRTUAL RUSSIA

Digital Space and Post-Soviet Political Culture

A conference organised by the Future of
Russian project (UiB) in co-operation with the
Norwegian Institute of International Affairs and the
Web Wars project (HERA)

St Petersburg, Norwegian University Centre ·
19 – 22 October 2011

Abstracts

Virtual Remembering

Johanna Dahlin, Linköping University

This paper will discuss the internet as sites of memory, symbolic action and interaction in relation to the Second World (or Great Patriotic) War. The memory of the Second World War has a prominent place in public discourse in contemporary Russia, and much of what is produced in other contexts are also accessible online such as speeches, broadcasts and newspaper stories.

In addition, there are materials unique to the internet which can function as sites of memory. Examples include the data base OBD (Обобщенный банк данных, www.obd-memorial.ru) where information and scanned documents on soldiers can be found, and memory sites for institutions; for example, the politechnical university in St Petersburg has a book of memory dedicated to students and teachers who died in the war.

Social networks are also sites where war memory features. They also serve as extensions of groups based on face-to-face interaction as well as virtual communities. For groups working with war memory, social network forums such as *vkontakte* function as venues for discussion, for sharing and commenting photos, for keeping in touch with former members as well as for monitoring the activities of others with similar interests and for presenting themselves to the world.

Social networks are also sites where symbolic action can be taken and you can for instance attach a St George ribbon to your avatar as well as your flesh-and-blood person.

Taking departure in my ethnographic fieldwork in St Petersburg, this paper will discuss the interaction between commemorative practices in the corporal world and their extension into the virtual.

Forged Proofs, Real Hatred: The Place & Role of Fakes in 'Memory Wars'

Helene Dounaevsky, University of Corsica

In this paper* I propose to explore one sort of documents intensively used within internet discussions. These texts were created elsewhere than in the internet but the internet actually did intensify their exploitation. Despite they being used as the strongest and most truthful arguments, these documents more often than not appear to be fake. Those can be classified in two categories, the first one aiming to discredit the adversary, the second managing to ennoble its own community and heroes. As an illustration of the first group, we shall call to mind the (in) famous picture of massacred children, an icon of polish "martyrology" (cf. the case of M. Dolinska). In this same group we can evoke the so-called order of deportation of the whole Ukrainian population to Siberia (*Іркуаз 0078/42*). A good example of the second category would be *The Memoirs of Dr Stella Kranzbach*, which seems to be a mystification, a product of the Ukrainian Diaspora. All these fakes are invitations to think about the status of digital files itself, which appears to be quite ambiguous, as within the virtual space borders tend to fade away between a true document and a fake one. A dramatic gap can be observed between the official history and the *pop-history* popping up through on-line discussions.

So, what is considered as a non-document within an academic context is accepted as a document through a non-academic one, and ends up being *The document* for internet users.

*) see panel description on page 24

Medvedev's Blogging Bureaucrats: Official Models of Identity and Community in the New Media Age

Michael Gorham, University of Florida

From the early days of his presidency, Dmitrii Medvedev has touted himself as an internet-savvy president, and most of the independent evidence suggests his reputation as Russia's first Geek-in-Chief is fully justified. Subsequent action on the President's part has underscored a deeper commitment to making new media technologies part of the everyday toolbox of the Russian bureaucracy. Most notable are his own video blog and Twitter feeds, launched in October 2008 and June 2010 respectively, together with his call to fellow civil servants, in January 2010, to start their own blogs as a means of enhancing the legitimacy of state authority by making it more transparent, more open to public scrutiny and critique.

Medvedev's public justification for the moves, aside from their potent symbolic embrace of his broader campaign for "modernization," rests invariably in the desire to foster what he has called "direct Internet democracy." Both linguistically and generically, the blog and the microblog have the makings of a more direct exchange of ideas between political leaders and citizens, modes of communication, moreover, that promise to be less formal and off-putting than the complicated hierarchies of discursive authority commonly associated with Russian bureaucratic culture. At the same time, they carry the significant risk of undercutting, rather than fortifying political power and legitimacy. In previous papers I have discussed the generic, stylistic, and technical aspects of the presidential Twitter feed. In this paper I turn my attention to the blogging activities of leading government bureaucrats in order to help shed light on the potential benefits and pitfalls of bureaucratic blogging as a new medium for political communication.

Политическое (само)образование в рунете

Gasan Gusejnov, Centre of Research in the Humanities, RANKhiGS

Доклад будет попыткой ответа на вопрос, почему в России не развиваются онлайн-проекты в области политического образования. На первый взгляд, ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Политическое (само)образование имеет смысл лишь там, где есть публичная политика. А там, где она заменена корпоративной квази-мобильностью с помощью псевдопартий, сама идея политического образования кажется нелепой.

Однако, если с этого поверхностного слоя перейти на уровень структуры сетевого поведения, то мы увидим, что политическому в интернете мешает сразу несколько факторов. Некоторые из них восходят к более ранней культурной традиции, другие объясняются появлением новейших продуктов техногенного происхождения. В докладе, в частности, будет показано, что политическое как область практического интереса часто вытесняется, с одной стороны, принципиально враждебным «реалу» игровым дискурсом. С другой стороны, принципиальное отторжение политики как «грязного дела» индоктринирует активную часть общества в духе недоверия вечному и вездесущему «пиару». Анализ употребления глагола «пиариться» и его многочисленными производными свидетельствует, что сфера политического к концу нулевых годов почти всецело захвачена «теорией заговора».

Таким образом, отторжение от самой идеи политического (само)образования оказалось родовым признаком рунета, объявившего настоящую войну серьезной политологии. В докладе будут приведены примеры попыток автора организовать онлайн-занятия со студентами разных курсов и специальностей с использованием платформ «Живого Журнала» и ей подобных.

Blogging for the State? Russian Leaders and Their Use of New Media Technologies

Natalia Moen, Norwegian Institute of International Affairs

How do political leaders approach the internet, the blogosphere and other emerging media technologies? This question is becoming increasingly relevant as politicians begin to realise the great potential of the 'new media' as a direct channel of dialogue with the wider society, in particular the younger generation. While formal speeches, interviews and publications in printed media tend to carry an explicit political message, it is not clear how the same political leaders use their websites and blog sites where the style is much less formal. Do leaders use the internet as a sign of their modernity, using their website and blog sites simply to replicate information from other sites or publications? Moreover, do leaders use the informality of the web primarily as a means of self-promotion or do they use it to reinforce wider political agendas, in particular those relevant to the younger media-savvy generation?

In the Russian case, President Dmitri Medvedev and Prime Minister Putin have distinctive approaches to the internet, with Medvedev much more active, although this has begun to change in recent months. Both leaders do, however, have a web presence. This paper offers a chance to compare leader strategies toward the internet by the ruling 'tandem' but also the way they use it to communicate with the wider society. The latter is accomplished by focusing on one key 'state' issue that has emerged in recent years in the Russian Federation, clearly visible in the formal speeches of Putin and Medvedev and one that is of direct relevance to the younger generation—Russia's 'demographic crisis'. Russia has experienced a significant population decrease over the course of the post-Soviet period, forcing political leaders to give this issue serious attention. This not only requires sustained policy initiatives to counteract the population decline, but also attitudinal changes among younger people to 'family values' in order to boost population growth. By examining the content of Medvedev and Putin's internet usage regarding this key

state issue, it should become clear as to how high-level leaders view new media technologies. Are they seen as essential channels of communication with younger internet users? Is new technology used primarily to reinforce personal popularity or to forward larger state issues?

Память о советском прошлом в российской блогосфере

Elena Morenkova-Perrier, Panthéon-Assas Paris II University

Двадцать лет после разпада Советского Союза, политизированная часть российского общества активно обсуждает ушедшую эпоху в Интернете (как его называют сами российские пользователи, Рунете). Единственная свободная площадка дебатов на самые острые исторические и политические темы, Интернет, и особенно его политизированная часть, сконцентрированная главным образом на платформе блогахостинга LiveJournal, представляет собой уникальный опыт переживания прошлого этой частью российского населения. Являясь наиболее активной и мобилизованной силой в Рунете, молодежь пытается сконструировать свое видение основных событий и персонажей советской эпохи. Рассматривая Рунет как площадку для выражения идей гражданского общества, современный аналог советской кухни (Горный, 2009) мы попытались проанализировать исторический дебат в российских блогах. Целью данного исследования является анализ основных акторов и тенденций исторического дебата в российской блогосфере.

Несмотря на то, что «исторический» сегмент блогосферы несоразмерно мал в масштабах всего Рунета, он представляет собой систему со своими лидерами, правилами, кодами поведения, особым языком и иерархией. Небольшое число «блоггеров-тысячников», лидеров мнений блогосферы, чья аудитория может достигать до нескольких тысяч постоянных читателей, осуществляет большое влияние на формирование основных репрезентаций советского прошлого в Интернете. Позиционируя себя как носители «альтернативной истории», противопоставляемой истории «лживой» и «фальсифицируемой», молодые блоггеры, являясь историками, публицистами, журналистами, задают тон историческому дебату в Интернете, распространяя «правильное» видение и опровергая «мифы», направленные на очернение российской истории,

защищая «светлую» память о том или ином событии через взаимосвязанные интернет-сообщества. Несмотря на то, что «патриоты» гораздо лучше организованы, чем «ревизионисты», главным образом благодаря активному участию в дебате и разветвленной системе дружественных сообществ, их видение не является единственным в блогосфере: «патриотические» интерпретации советской истории постоянно конкурируют с «ревизионистскими» в виртуальной эмуляции острого исторического спора.

Анализ структуры и содержания исторического дебата в российской блогосфере позволил выявить три основные тенденции. Во-первых, отсутствие консенсуса по основным вопросам советской истории, наблюдаемое в Интернете, является отражением подобных процессов в российском обществе. Раскол в оценках советской эпохи особенно заметен на примере оценки роли сталинской эпохи в российской истории. С этой точки зрения, блогосфера представляет собой отражение российской действительности. Во-вторых, в конструировании образа советской истории на первый план постепенно выходит молодое поколение историков и публицистов патриотической направленности, особенно влиятельное в Интернете, но не ограничивающееся им. В-третьих, Интернет-молодежь показывает все больший и больший интерес к советской истории. В контексте недоверия к официальным трактовкам того или иного события, воспринимаемых как «фальсифицированные», пользователи Интернета обращаются к поиску «правдивой» информации в блогах. В отсутствие персонального опыта жизни в СССР, молодые участники социальных сетей восприимчивы к циркулирующим в Интернете образам советского прошлого, а также к мифам любой направленности.

Таким образом, исторический дебат в Рунете, разворачивающийся в настоящее время, может быть интерпретирован как попытка переосмысления советской истории, инициированная «снизу», наиболее активной частью российского общества. Интернет в целом и новые социальные медиа в частности обладают большим потенциалом, чтобы сыграть важную роль в этом процессе.

The National Politics of Domain Names: Russia and Ukraine dealing with ICANN

Martin Paulsen, University of Bergen

The decision by the Internet Cooperation for Assigned Names and Numbers (ICANN) to allow for internationalised domain names (IDN) was welcomed by the Russian government as an opportunity to strengthen the presence of the Russian language on the Internet. Supported by both Medvedev and Putin it was soon implemented in the administration of the Russian part of Internet. Meanwhile, in Ukraine the same decision sparked off heated debates about who actually controls the Ukrainian segment of the Internet, resulting in legal disputes.

On the one hand this is a linguistic question, since it is related to the use of Cyrillic script at the very core of the Internet address system. Accordingly, a comparison of the situations in the two countries should be useful for pinpointing their approaches to language policy. On the other hand it is a question of the administration of the Internet. Is the Internet best understood through a national, international or global prism? In the question of IDNs these two questions come together.

I will use this paper to discuss the lessons to be drawn from these two cases (Russia and Ukraine) concerning both language policy and national administration of the Internet.

Новые медиа в постсоветской политике: Wiki-демократия или достоверность

Oleg Reut, University of Petrozavodsk

Медиатизация, викизация и твиттеризация российской политики, эволюционное развитие новых медиа и связанной с ними сложно организуемой интерактивной коммуникации формируют качественно иные условия функционирования политического пространства. В значительной мере изменяется процесс производства политически значимой информации, трансформируются отношения между представителями политического класса, публичными интеллектуалами, медиа и электоратом. Чувствительно отличными от традиционных становятся взаимодействия внутри политико-медийных пространств, между средствами массовой информации и аудиторией, между СМИ, властными структурами и общественными институтами. Трансформируются концептуальное восприятие демократии и обоснование достоверности в демократических практиках.

Рассматриваемые изменения были предопределены трансформацией постсоветского политического пространства. Само проблематизирование политики не являлось неизменным. В начале девяностых годов XX века стала предельно востребованной *политика факта*. Предполагалось, что функции профессиональных политиков могут и даже должны редуцироваться до выявления и артикулирования достоверных политических требований. Со стороны электората сформировался устойчивый запрос на обязанность политики отождествляться с обеспечением доказательств и обоснований, предоставлением аутентичной и валидной информации. Достоверность оценивалась по степени фактического отсутствия привносимого политиками субъективизма. Получалось, что только некие идеальные истинность, подлинность и правильность могут суммарно формировать достоверность, а собственно продукт политической деятельности, таким образом, не должен

вызывать сомнений.

Указанный запрос на предоставление исключительно фактологического материала во многом может быть объяснён желанием россиян по возможности быстрее преодолеть ценностно-идеологическое прочтение советской политической традиции. В известной степени в этом начала проявляться и демократичность общенационального политического процесса. Политический режим предписывал скорее не созидание новых реалий и не критическое переосмысление внутривнутриполитических обстоятельств, а устранение последствий запоздалого включения в мейнстримовские тенденции по формированию демократичного отношения к сфере общественных взаимодействий.

Со временем, однако, стала складываться ситуация, при которой под уже почти полностью истончившимся слоем практически единственно возможного восприятия политической информации всё яснее стала проступать готовность к ренессансу естественных ограничений кажущихся бесконечными фактологического и новостного (ньюсмэйкерского) потоков. Вновь были подняты существовавшие задолго до появления российской политики 2.0 вопросы относительно критериев отбора и систематизации идейно-ценностного материала, что само по себе предусматривает оценочность восприятия.

Востребованной оказывалась *политика мнений*. Важность собственно факта уступила место доступности его авторско-политической трактовки. В центр внимания общественности и медиа были помещены политические мыслители и политические комментаторы. Искусственное создание политико-идеологических систем представлялось уже невозможным, но всё отчётливее стала проявляться опора на традиционные институты и социально-политическую пассивность российского электората, отказывающегося от критического освоения политического материала. Сформировавшаяся демобилизационная стратегия, «режим разобщения», как и в целом состояние путинской деполитизации, способствовали не только вытеснению на дискурсивную пери-

ферию разнообразия политических интересов, но и подавлению подлинной политической субъектности россиян.

Медведевская твиттеризация политики свидетельствует о начале третьего этапа, который условно стоит определить как *политику веры*. Абсолютная зависимость от конъюнктуры политического рынка и от способности реально воздействовать на массовое сознание посредством поиска адекватных его уровню форм интерпретации пост-идеологических заключений возвращает крайние формы популизма. Он приобретает сугубо технологическую направленность, а определяющей всё целью становится, в частности, манипулятивное воздействие на электорат для удержания властного положения субъектов политики на определенном уровне длительное время, а также манипулятивное управление социально-политическими процессами в целом. Очевидно, что подобные «инновации» создают условия, при которых пользовательский контент новых медиа перестаёт быть альтернативной информацией, а агрегирование и артикуляция политических требований, приватизированные множеством текстмэйкеров и интерпретаторов, изменяют структуру массового медиапотребления.

Политически значимая информация превращается в один из элементов новой, дигитально организованной медийной культуры, что, без сомнений, способствует качественным изменениям в способах репрезентации и трансляции знаний, норм, ценностей и систем целеполагания. Стремительно размываются ещё вчера казавшиеся предельно чёткими границы выявления таких качеств информации, как верифицируемость, непротиворечивость, полнота, злободневность и доступность. Выработка своеобразного иммунитета на достоверное знание способствует проблематизации отношений несомненной верности приводимых сведений и вымыслом или хотя бы неподлинностью, правдоподобным и практически невероятным, а, возможно, даже хорошим и плохим, добрым и злым.

Old Dogs, New Tricks? Assessing the Effectiveness of Party Leaders on the Political Internet

Sean P. Roberts, Norwegian Institute of International Affairs

In post-Yeltsin Russia, 2000–11, executive leadership has enjoyed some success in developing the authority and persona of the President and, more recently, Prime Minister, utilising the medium of television, but increasingly the Internet too. This reflects the growing influence of the Internet in Russia, which has experienced a reported 1,825 per cent increase in use over the past decade. In February 2011, President Medvedev was awarded *Runet's* 'best blogger' prize for his *Twitter* and *LiveJournal* accounts and both the federal government and the presidential administration remain at the cutting edge of communications development. However, beyond the federal executive branch, the ability and willingness of the political elite to engage with society, in particular the younger generation, and to harness the potential of the Internet, is open to question. This appears to be the case with Russia's current parliamentary parties (United Russia, A Just Russia, CPRF and LDPR) which, from a theoretical perspective, should exist as ready-made organisational solutions to the problems of mass-elite linkage. What is interesting is that the leadership of these four parties shows a clear gender, but also generational trend that in itself suggests a degree of regime entrenchment and remoteness from certain segments of the electorate. Vladimir Zhirinovskii (born 1946) and Gennadi Zyuganov (1944) have led their respective parties for the entire post-Soviet period, while, A Just Russia, led by Federation Council speaker, Sergei Mironov (1953) is part of the same, post-War, Soviet-era elite. If United Russia's leadership is added to this list, not in the form of Prime Minister, Vladimir Putin, but second in command and State Duma Chair, Boris Gryzlov (1950), then the potential problem becomes clearer. This paper explores themes of political stability, communication and mass-elite linkage thorough the prism of party leader engagement with new information technologies, ahead of the important 2011/12 federal electoral cycle in Russia. The focus is on the effectiveness of these four leaders in their web usage, applying com-

parative methodology to analyse the content and functionality of their websites, but also the extent of their engagement with web blogging, to cross gender and generational divides and to communicate with a wider audience. As a relatively new political phenomenon, web blogging poses a number of methodological issues that this paper will also address, alongside an analysis of its use among these four leaders.

limonov2012.ru

Tine Roesen, Aarhus University

In this paper, I intend to explore the “presidential campaign” website of Eduard Limonov (b. 1943) with a view to how this illustrious politician presents himself digitally.

On the background of his biography, the current campaign homepage seems surprisingly uncontroversial and professional. Limonov was a writer-provocateur both in Soviet Russia and, after his emigration to the US in 1974, in the West. After his return to post-Soviet Russia he continued to develop his image as breaker of taboos, sexual as well as all other, but now not only as a writer but also as an activist and politician. He joined Vladimir Zhirinovskiy’s Liberal-Democratic Party (1992), went to the former Yugoslavia to support his Serbian brothers in their war, he founded the National Bolshevik Party (1994), propagandizing the resurrection of a Great Russian Empire, and he spent almost two years in prison (2001–2003) for having illegally organised an armed group. After the National Bolshevik Party was banned in Russia (2005), Limonov joined the broad, if short-lived, oppositional group The Other Russia (2006), the beginning, it would seem, of his “normalisation.” In March 2009, Limonov launched his presidential campaign homepage.

In the 1990es, Limonov stated that politics for him was a natural continuation of being a writer: “I serve Russia now, as I did then.” In that period, he was described on Misha Verbitsky’s fan homepage (imperium.lenin.ru/~verbit/Limonov, last updated 14.3.1997) as being mainly a writer, while his activities as journalist, poet, leader of National Bolshevik Party and editor of the party journal Limonka were secondary. Now, judging by his official presidential campaign website, limonov2012.ru, Limonov is primarily presenting himself as a politician, consciously and wisely using new media tools to promote his serious cause.

The site has a whole section, “Eduard everywhere”, of hyperlinks to his personal LiveJournal blog, his LiveJournal community profile, his

profile in Vkontakte, as well as videos on YouTube, RuTube and blogTV. In another corner we find links to RSS and PDA feeds and even an embedded media player. And crowning the page is the candidate's personal e-mail address: limonov2012@gmail.com.

I will analyse the website's convergent use of text and hypertext, its visual and verbal representations of Limonov, while also being on the lookout for traces of the former writer and propagator of aesthetic-political *Gesamtkunst*.

Digital Diaspora: Social Media and Russian-Ukrainian Memory Wars

Ellen Rutten, University of Bergen

Both in Russia and Ukraine, political conflicts take the shape of heated debates about the recent past, and especially World War II and Soviet socialism. They do so particularly vigorously in digital media. Blog comments, social networking discussions, guestbook entries: in ‘Virtual Russia’ and ‘Virtual Ukraine,’ even those discursive spaces not devoted to history or politics proper inevitably confront political themes.

In this talk*, I explore the geopolitical dynamics in which the Russian-Ukrainian online memory discourse unfurls. Scholars have repeatedly defined the contemporary public sphere as ‘diasporic’ or ‘transnational,’ rather than a realm that can be divided in neatly confined nation-states. Nationally defined identities blur especially in Ukrainian and Russian new media: its authors not only take us beyond the oral and written to novel, digital communities, but they do so while sharing a related past and (to some extent) language. Their memory narratives intertwine and compete in a ‘digital diaspora,’ where political opponents often exchange replies in the same (Russian) language without knowing the other’s offline (geographical, political, or linguistic) identity. How does the scattered, ‘diasporic’ nature of their online communication affect notions of Ukraine or Russia as national communities? And how does it affect processes of cultural commemoration, remembrance, and mourning? Existing scholarship on ‘digital diasporas’ (Brinkerhoff 2009; Everett 2009) takes the concept literally and explores only expatriate communities. I revise this concept, expanding ‘digital diaspora’ to encompass all web users in Russia and Ukraine.

*) see panel description on page 24

References

- Brinkerhoff, J. (ed.). *Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement*. 2009.
- Everett, A. *Digital Diaspora: A Race for Cyberspace*. 2009.

SecondRussia, или политические игры в виртуальных игровых мирах

Natalia Sokolova, University of Samara

В докладе анализируется политическое измерение развлекательных цифровых медиа в России. Обращение к этой теме связано с моим основным научным интересом: трансформация популярной культуры в контексте развития новых медиа, массовая креативность online, партисипаторная культура.

Эмпирическим материалом для анализа выступают отечественные компьютерные и онлайн-игры. Выражение «политические игры» в докладе имеет двойное значение: я рассматриваю и игры, политические по тематике, и использование игр в политических целях. В качестве case studies выступают «российские территории» виртуального мира Second Life и трансмедийный проект S.T.A.L.K.E.R (базируется на серии компьютерных игр и включает множество других медиа-форматов). Их выбор основан на том, что 1) оба проекта являются наиболее характерными феноменами новых медиа; 2) проекты еще не являются полностью коммерциализированными и включенными в мейнстрим массовой культуры, что позволяет проследить отношение к политике на «низовом» уровне; 3) оба проекта тематически отсылают нас к вымышленным мирам, предлагающим множество возможностей для воображения и проигрывания альтернатив; 4) несмотря на схожесть, проекты имеют различия (S.T.A.L.K.E.R в сравнении с Second Life связан с предшествующей, укорененной в советской культуре, традицией и характеризуется беспрецедентной массовой активностью и креативностью), что позволяет ввести в исследование сравнительную перспективу.

Как показал анализ (и текстуальный анализ игр, и анализ сложившихся вокруг них культурных практик), распространенное утверждение о том, что виртуальное интернет-пространство является локусом демократизация политической жизни, представ-

ляется слишком оптимистичным. Разумеется, онлайн-миры связаны с развлечением и их связь с политикой является косвенной. Однако, во-первых, аудитория развлекательных медиа традиционно используется в целях политического манипулирования, а, следовательно, может выступать и территорией сопротивления. Во-вторых, вымышленные миры Second Life и S.T.A.L.K.E.R.a позволяют экспериментировать, создавать новые (виртуальные) реальности, проигрывать альтернативные сценарии общественной жизни, артикулировать (политические) интересы; эти проекты представляют также некоторые инструменты для актуализации интересов offline. Однако эти возможности слабо реализуются; социально (тем более политически) ориентированная активность и креативность слабо представлены в данных проектах, они воспроизводят ценности «отцовской» (официальной) культуры, здесь выражена ностальгия по советскому времени и проч. Анализ данных проектов, как представляется, позволяет говорить о тенденции вытеснения публичного пространства в фантазматические виртуальные миры, что свидетельствует о противоречивом взаимоотношении новых медиа и политики в современной России.

Историческая политика в виртуальном пространстве (современной России): проблемы репрезентации и интерпретации прошлого

Tatiana Teterevleva, University of Arkhangelsk

Понятие «историческая политика» появилось в научном обиходе российских исследователей относительно недавно как отражение новых реалий постсоветского социокультурного пространства. С одной стороны, это явление тесно связано с таким давно известным и неизбежным явлением, как политизация истории, которая в последнее время становится особенно актуальной в связи с тем, что в условиях отсутствия реальной политики в России политическая жизнь нередко смещается в символическое пространство — в поле политики памяти. Однако есть и отличия. Историческая политика предполагает довольно активное вмешательство в трактовку исторических реалий со стороны политики, представляя, таким образом, результат сознательной и целенаправленной политической инженерии.

Сам феномен исторической политики на пост-советском и — шире — постсоциалистическом пространстве в настоящее время довольно интенсивно изучается. Тем не менее, возможности и специфика её реализации в виртуальном пространстве — тема достаточно новая в исследовательском плане. Это обусловлено самими особенностями новых медиа, и прежде всего: 1) интерактивностью, предусматривающей не только количественное расширение возможностей диалога между профессионалами, но и качественные изменения в диалоге между профессиональными историками/политиками и «дилетантами»; 2) гипертекстуальностью, которая предусматривает возможность продвижения в пределах исторического нарратива множественными и зачастую непредсказуемыми маршрутами.

Именно Интернет-ресурсы по истории всё чаще становятся для массового читателя главным источником знаний о прошлом,

принимая на себя решающую роль в формировании массового исторического сознания. При этом история превращается в один из элементов новой медийной культуры, что обуславливает качественные изменения, прежде всего, в способах репрезентации исторического знания и специфике его интерпретации. Академическая «the good history» безнадежно проигрывает медиатизированной «exciting history», а среди механизмов репрезентации прошлого на первый план выходят такие, как: развлекательность, скандализация, конфликтизация, акцент на нарушениях норм и т.п. В целом же «медийность» истории превращает читателя в «зависимого от контента» потребителя исторической информации, вкусы и запросы которого отражают первые страницы результатов Интернет-поиска.

При учёте подобных противоречивых обстоятельств, особый интерес представляет вопрос о том, каким именно образом реализуется в этой сфере возможность индоктринации определённых идей и определённого образа прошлого (или ограничения их распространения)?

Общеизвестно, что в современном русскоязычном Интернете существует огромное количество разного рода ресурсов по истории. Их можно классифицировать по различным критериям: по хронологическим рамкам, представленному региону, тематике. В российском сетевом пространстве представлены все пять основных жанров исторических веб-сайтов: 1) посвящённые публикации и систематизации первичных источников (базы данных, etc.); 2) публикующие вторичные источники (научную и публицистическую литературу по истории; кинодокументалистику и другие аудио-визуальные материалы, etc.); 3) образовательные ресурсы; 4) дискуссионные площадки (ориентированные на он-лайн диалог); 5) организационные сайты (представляющие информацию об историческом сообществе).

В докладе, привлекая материалы названных групп и жанров Интернет-ресурсов по истории, предполагается рассмотреть механизмы прямого и косвенного политического воздействия на

способы репрезентации и интерпретации прошлого. При этом сразу следует оговориться, что вопрос о наличии некоей единой продуманной стратегии в этой сфере в современной России остаётся открытым. Пока можно лишь констатировать, что власть предпринимает активные попытки найти некий объединяющий общество концепт отечественной истории, и эти поиски совершенно очевидно ведутся в направлении державно-имперской парадигмы.

The Language of Memory in Digital Ru.net Communities

Vera Zvereva, University of Bergen/RGGU, Moscow

Being a part of the Memory at War project, our panel* studies how memories of the Soviet past are constructed and shared, and how these memories are negotiated on the Ru.net and Ukr.net. This paper is focused on the language of memory of the traumatic twentieth-century history in online communities (in Facebook, V Kontakte, and Livejournal).

Memories produced and shared in Internet groups are not stable. They are influenced by media agendas and vocabulary, shaped by priorities of a certain community and pragmatic needs to struggle for one's version of the past. Remembering of the past in on-line groups often has certain aims, and is linked to current political and social issues. However, despite their pragmatic character and close interconnectedness to the political conjuncture, these memories become integral to personal experiences of community members and influence their identifications.

We are focusing on the procedural character of memory. Peoples' recollections on the Internet are presented as verbal or/and visual texts; often as narratives. Memories are textual: this is why a study of recollections as well as of battles/negotiations about meanings of the past presupposes a research in language, its semantics and pragmatics.

This paper studies the language of memory in the broad sense: "the language"—"speech/textual behavior"—"memory narratives"—"commemorative discourse". How do web-users talk about the past? How do they describe their experiences? What kinds of texts convey memories? What new features do memory texts acquire on the net? What does the interactivity give to group memories?—These questions are to be studied on the example of thematic online groups on the Ru.net.

*) see panel description on page 24

Virtual Russia and Virtual Ukraine: Memory Wars and Digital Diasporas (panel)

Helene Dounaevsky, University of Corsica

Vera Zvereva, University of Bergen

Ellen Rutten, University of Bergen

In post-communist Eastern Europe, disruptions of politics, trade, and security collide with paroxysms of suspicion that take the unusual shape of heated debates about the traumatic moments of the twentieth century. A Memory War is raging in post-Soviet space, a cultural conflict that is increasingly leading states in the region to act against their own economic and political interests. Understanding this conflict is the subject of a HERA Collaborative Research Project led by the University of Cambridge, *Memory at War: Cultural Dynamics in Poland, Russia, and Ukraine* (see www.memoryatwar.org for a project description and upcoming events).

For *Memory at War*, scholars at five European universities scrutinize Eastern European memory wars from various angles. One of these universities is the Universitetet i Bergen, where Ellen Rutten and Vera Zvereva home in on its outlines in digital media for the project *Web Wars: Digital Diasporas and the Language of Memory in Russia and Ukraine* (www.web-wars.org). For this conference, they have teamed up with the Corsican media expert Helene Dounaevsky. Together, they explore Russian and Ukrainian new media, whose readers, as they will show, find themselves embedded in a world of digital wars—a world where alternative histories thrive and multifarious memories compete for position.